

Пролог

События, о которых вы прочитаете дальше, произошли на самом деле. Или же нет — решать вам.

Но сначала расскажу о фотографии. На ней женщина оглядывается и смотрит в объектив камеры. Снимок сделан возле станции метро «Цветной бульвар» в Москве. И после того как был сделан снимок, мы почти сразу же познакомились.

Анисия! Любой будет очарован ее именем. И я был очарован: и именем, и взглядом, и тем, как она держалась со мной — мужчиной, который появился из ниоткуда и щелчком затвора фотоаппарата сотворил ее еще раз в черно-белом цвете.

В тот весенний день произошло необыкновенное — ее и мои ангелы-хранители подружились. А после возникли истории. Их автором была она же, моя

жена Анисия. Голубые глаза, мягкий голос и губы, на которые я смотрю и смотрю. Люди из этих рассказов, как оказалось, живые персонажи. Почти всех я видел воочию. Кто они?.. Следователь, который должен раскрыть убийство. Пожилой человек, оставляющий свою жену по ночам. Девушка, красивая и загадочная, — может быть, она и есть убийца? Персонажи настолько странные, что собрать их воедино на страницах этой книжки оказалось непросто...

I

«Велика слава твоя, Израиль!

*Велика правда твоя, и радость моя —
в тебе.*

Моря твои питают почву, земли укрощают строптивых.

*Дух укрепляет сынов твоих. И истина
воссияет вне времени.*

С днем рождения, Тимофей Александрович!

*Удачи на работе! И устрой наконец свою
личную жизнь!»*

«Милое поздравление от коллеги», —
подумал Тимофей и улыбнулся.

Сегодня, выходит, день сюрпризов. Еще рано утром, едва проснувшись, он столкнулся с необычным ощущением. Возможно, дело именно в нем, числе 40. Для мужчины и полицейского — самый расцвет. Меньше всего Тимофей любил оценивать жизнь с точки зрения рубежей

и границ, правил и условностей, но сегодня, раздвинув шторы, посмотрев в окно и заварив утренний кофе, он эту потребность ощутил. В зеркале было то же самое лицо. Одежда все та же: рубашка и клетчатый пиджак с «заплатами» на локтях. Те же самые часы на руке. И за спиной — небольшая квартира, где, кроме него, никто не появляется. Но сегодня день его рождения, и если ему суждено дожить до восьмидесяти лет, то сорок лет — середина пути. А если судьба приготовила жизнь покороче, то эта вершина давно пройдена и тогда есть о чем задуматься.

И тут еще открытка от Варвары на рабочем столе с ее любимыми аллюзиями на Библию.

Его зовут Тимофей, а однажды она сравнила его с Израилем: «Такой же мудрый, как эта страна, и такой же безмолвный, как ее великие подвижники».

Молчаливый сыщик.

Так называли Тимофея Александровича все: друзья, коллеги-полицейские — и преступники.

Именно о преступниках — людях, появлявшихся перед его глазами каждый

день, — он думал чаще всего. И чем старше становился, тем навязчивее были такие мысли. Будто разум играл с ним в игру, которую можно назвать «пойми жизнь», а можно — «смирись с тем, что не поймешь ее никогда».

Если собрать всех убийц и воров, существовавших со времен Адама, то сколько хлебов понадобится, чтобы накормить их — Каина и прочих?

Если соединить их мысли воедино, то что появится при этом — черная дыра или океан?

И их судьбы... Сколько в них от предначертанного, а сколько от человеческой слабости (которая на деле оказывается великой силой, потому что нельзя, будучи слабым, убить человека)?

День рождения — необычный день. Судьба приготовила ему и самый необычный вопрос. Его вопросы всегда были особенными. И это была главная странность Тимофея Александровича: он мог сидеть с подозреваемым очень долго, и за это время оба не произносили ни звука.

Краем глаза он следил за задержанным, который с каждой минутой чувствовал себя все более неловко. Все они ждут вопросов, агрессии и четко определенных ролей. А сталкиваются с удивительной реальностью — молчанием, к которому нельзя приспособиться, не став при этом самим собой, преступником или же невиновным. Поэтому почти всегда после двадцати или тридцати минут тишины, еще не задав первого вопроса, Тимофей знал для себя практически все, что хотел знать. И тогда сообщал коллегам: «Вы правы, это он (или она)». Или же: «Уверен, что нет».

Тимофей — молчальник. Человек без слов. Ищущий правду там, где пролегает граница видимого и невидимого.

По большому счету все, что делает Тимофей, помогает коллегам. Зная, что тот никогда не ошибется, они передают ему задержанных в сложных и неопределенных ситуациях, чтобы знать, где можно надавить и сыграть с обвиняемым ва-банк, а где оставить человека в покое и не тратить на него силы. С некоторых пор ни одной ошибки — поразительно!

Но сначала перед ним находится щуплый человек с редкими волосами. Все в нем говорит о плохо скрываемом нетерпении. «Что, начинать-то будем?» — спрашивает он наконец у Тимофея.

Все, считай, что половина дела, если не больше, уже сделана. Виновный в девяноста процентах случаев не заговаривает сам, поскольку только и мечтает о том, чтобы отсрочить допрос — полный лжи и оправданий. А если и заговаривает, то из-за чувства вины. Но в таком случае не бывает суеты. А торопливость этого человека говорит о нетерпении — желании поскорее разобраться с происходящим, чтобы пойти и жить дальше.

По его тональности можно сказать, что грешков за ним хватает. Не ангел он, конечно, а может быть, даже и олицетворение зла, но не в данном конкретном деле. По большому счету его уже можно отпускать. Он заговорил на пятнадцатой минуте. Именно та точка отсчета, когда сдаются невиновные.

«По мне, он чист, — говорит Тимофей своему коллеге. — Сверх его по другим преступлениям, возможно, там что-то будет, но в данном случае он невинная птица».

Молчание может быть разным. Вязким (и чаще бывает именно таким) или прозрачным. А иногда тусклым, и так тоже часто бывает. Человек со своей поврежденной природой не умеет жить одним моментом, он перескакивает во всем с одного на другое или, что еще хуже, безвольно плывет по течению, и тогда его молчание становится особенно невыносимым.

Минута-другая, человек все еще ждет, что начнется какой-то разговор. Возможно, он собирается с мыслями или пытается что-то заранее сформулировать. К Тимофею не попадают «смирившиеся». Невозможно до конца смириться, пока не знаешь свою судьбу. Смириться, конечно, возможно, — где-то в монастыре, в келье старца, — но не здесь, на острие добра и зла. К тому же совсем безвинные к нему не попадают. В крайнем случае будет, как в последний раз, когда по данному обвинению человек был чист, но в итоге у него обнаружили связи, которые привели к другим преступникам. Получается, что Тимофей неожиданно помог раскрыть одно из зависших дел. И за это его все ценили.

Десять минут. Предел, после которого все чувства обостряются — и в нем самом, и в человеке напротив. Но оба молчат. С этого момента погруженность Тимофея в бумаги — лишь видимость и отработанная механика. Листки всегда перед ним одни и те же и вообще не имеют никакого отношения к криминалистике. А сам он становится «ощущением», и тело его перестает быть телом.

У виновного человека есть своя «тональность». У каждого со своими особенностями, но всех их что-то объединяет. Тимофей даже не пытался подобрать этому «что-то» подходящее слово. Поэтому никто из коллег давно не просил у Тимофея доказательств. Для них он был хорошим помощником, который «оптимизировал» силы отдела. «Если бы не Тимофей!» — говорили они.

Иногда (например, между пятнадцатой и семнадцатой минутами) Тимофей мог ненадолго поднять глаза и посмотреть на человека, сидевшего напротив, который изнывал. Его взор при этом был как бы рассредоточенным — чтобы не столкнуться со взглядом задержанного. Но мозг считывал все детали, которые мог-

ли сказать о ситуации больше, чем слова: пульсирующая жилка на шее, замершие (или нет) пальцы рук, вся поза в целом.

Искусством являлось и то, чтобы как можно быстрее вернуться обратно — в кон ощущений. Зрительные образы, если их будет слишком много, перебыют собой все чувства, поскольку в этих зрительных образах, как и во всем видимом, слишком много конкретики, а ее даже не шелухой следовало бы назвать, а глухой глиняной стеной. Ее кто-то построил, она прочная, но ни домом, ни его жителями она не является.

В конце концов эти люди заговаривают. И их голоса — надтреснутые, дрожащие или нарочито уверенные — свидетельствуют против них. Но чаще всего ничего от «образа» к двадцатой минуте не остается.

Самое важное при этом — поддерживать человека напротив в тонусе, не позволить ему впасть в полусонную апатию. Поначалу такое случалось несколько раз, и тогда Тимофей пожимал плечами и говорил: ничего не получилось. Но позже он научился контролировать «область тиши-

ны» и ее настроение — в том самом нужном напряжении, которое будет длиться ровно столько, сколько нужно.

«Как у тебя это получается?» — спрашивали коллеги восхищенно.

«Я не знаю», — отвечал он.

«Ох и неисповедимы же пути Тимофея!» — шутили ему вслед по-доброму, потому что для полицейского участка он давно стал своим ангелом-хранителем: никому не понятен, по сути своей невидим, но с ним хорошо и спокойно.

И вот сейчас — подозреваемая. Или убийца. Во взгляде этой молодой женщины он увидел пустоту, а именно в глаза он смотрел в первую очередь. Потом обращал внимание на движения. И только затем принимался за свой главный инструмент дознания — наблюдать за молчанием.

Она держала руки на коленях, а он листал лежавшие перед ним бумаги.

Ей уже задавали вопросы, и она на них отвечала. Теперь его очередь спрашивать.

(«Тимофей, это девушка погибшего художника. Алиса Григоренко, — сказали

ему. — Возможно, было самоубийство. Наглотался таблеток. Мы должны удостовериться».

«Хорошо», — ответил он.)

Пустота ее глаз — и его любовь к беззвучию.

Однако ее молчание не имело тональности. Она ни разу не шевельнулась за тридцать минут и ровно дышала. И вокруг нее не происходило никаких вибраций. Ничего такого, за что можно было бы зацепиться.

Поэтому, когда он снова поднял на нее глаза, то впервые за долгое время ощутил себя водителем, у которого на смартфоне из-за севшей аккумуляторной батареи перестал работать навигатор, а перед глазами десяток развилек и эстакад. Одна ведет на север, другая на юг, а третья вообще уходит под землю и петляет там неизвестно сколько.

Тимофей и Варвара сидят в небольшом кафе. Она не только написала ему открытку, но и пригласила вечером выпить кофе.

Молодая женщина. В ее работе тимофеевских хитростей нет, все по общепринятой методике: факты, психологический портрет и так далее. Но она больше копается в вир-

туальном пространстве — яме, куда свалено все что ни попадя. Человек постепенно переселяется именно туда, в цифровой мир, и у таких, как Варвара, оказывается все больше работы.

Они из одного отделения и иногда помогают друг другу в делах. Тимофей и Варвара сотрудники полиции.

Варвара занимается делами, которые они сами называют «коротышки» — то, что легко раскрываемо, особенно с помощью всех новых технологий, которые позволяют отследить любое лицо в черте города и понять все его действия. О любом человеке можно узнать все, и такое время не когда-то наступит, а уже наступило. С развитием искусственного интеллекта дело пойдет еще быстрее. Варвара про это знает лучше всех.

Основное занятие для нее — исследовать в соцсетях аккаунты подозреваемых. Тут кроется главная загадка — как она, ненавидящая все лицемерное, находит силы на просторы Интернета? Там она сталкивается с такими сторонами людей, о которых он сам, Тимофей, мог бы только и сказать «нда» и выразительно пожать плечами.

Никаких ограничений по сбору информации у них нет, поскольку полиция имеет уникальные доступы, которые позволяют видеть даже удаленные посты. Или, правильнее сказать, Варвара имеет, поскольку сотрудничество с IT-корпорациями и несколькими очень сильными специалистами неофициальное. Варвара-невидимка — не только для своего мужа, но и для всех остальных. А ее любопытство и мастерство находить связи между неочевидными фактами помогли раскрыть не один десяток дел.

Она, как и Тимофей, всегда была чем-то вроде диковинки для коллег. Оба забавные, загадочные и, кажется, в личной жизни абсолютно несчастные.

— Как думаешь, мы с тобой несчастные? — спросил он ее однажды. И сам себе показался поэтом девятнадцатого века: смотрит на свою жизнь, задает вопросы, но больше — упивается всем, что в его жизни рождает дисгармонию.

Варвара взглянула на него, немного помолчала, глаза как будто потускнели, но губы произнесли:

— Тимофей, мы с тобой самые счастливые люди на свете.

Она рассмеялась и пошла к своему автомобилю — чтобы вернуться домой после ночной смены.

— Иногда кажется, что никакого дома у меня нет, — делится своими мыслями Варвара. — И мужа у меня нет, так тоже мне иногда кажется. Он мне сегодня сказал: «В твоей жизни есть все, но только не я». По-своему он прав, сейчас я сижу с тобой, а потом пойду не к нему, а в отделение полиции. Но он и ошибается: *«всего»* в моей жизни нет.

— Когда вы прекратите избегать друг друга? — спросил Тимофей.

Варвара горько усмехнулась, и это могло означать что угодно — в том числе и «никогда».

А свадьбу их отмечали всем участком: Варвара-краса наконец-то нашла избранника. Хотя на самом деле все было иначе, и это жених нашел ее. Хотя однажды признался, что сотрудников полиции никогда не любил. Но ее полюбил и пообещал, что будет с ней и в радости, и в скорбях, и для нее старался измениться к лучшему.

Но что делать с одиночеством? И как вести себя, когда оно становится привычкой?

Такие вопросы он задавал Варваре, когда она пропадала на несколько ночей подряд, а если и возвращалась, то под утро и усталая настолько, что ни об объятиях, ни еще о чем-то не могло быть и речи. Она была спящим человеком, а спящих лучше не будить.

— Ну а ты, — спросила Варвара, — молчал сегодня?

— Да, но, представляешь, это ни к чему не привело.

— Он оказался насквозь лжецом?

— Она. И то, что она лжет, я знаю. Но это знание ни о чем. Я ничего не почувствовал.

— Тогда откуда ты знаешь?

— Ну ты же знаешь, что твой муж ни в чем не виноват?

Варвара не сразу, но кивнула.

— Вот и я знаю.

— Но она не твоя жена.

— Она из тех людей, что даются свыше, даже если встречаешься с ними вот так, после преступления: ты — следователь, а она — якобы несчастная вдова. Ее и вдовой-то не назвать. Так, подруга.

Вскоре они расстались. Варвара пошла работать, он — тоже.

Иногда дни бывают долгими, иногда короткими. А иногда тянутся бесконечно, и ничто их не остановит.

Лицо Алисы Григоренко перед его лицом в переносном смысле, потому что сидит Тимофей дома в своем кресле. Рядом горит торшер, и обстановка может показаться уютной. Если бы не ее лицо.

Она же не настолько безрассудная, чтобы травить таблетками! Только безумная будет поступать, как она. Но и поймать ее он не может. Ни одной прямой улики, а только вполне закономерные вопросы:

— если она невиновна, то как утром поняла, что он мертв, если лежала с ним в одной постели;

— а если виновна, то почему провернула все именно так: если уж давать ему таблетки, то по полной, а доза, судя по отчету, была «на грани», могла убить, а могла и нет.

— почему никуда не исчезла;

— почему ничего не сделала с запиской?

А записка перед ним: «Среда, 11.00, галерея “Петровка”».

Это не просто мероприятие, а шаг в будущее: наконец-то художник Давид получает приглашение (это уже выяснено) на

организацию выставки. Никаких затрат с его стороны, хорошая реклама, хороший процент с продаж (которые обязательно будут).

Зачем убивать себя, когда дела начинают идти в гору?

Однако на допросе Алиса не сломалась. Полчаса тишины с нею ничего не дали. Как будто она сама была беззвучием, при том что чем-чем, а тишиной-то она не была. В ней бушевала буря, с которой он, Тимофей, не смог найти точки соприкосновения. А значит... Значит, что-то тут не так.

Поэтому он надевает пальто, спускается вниз, садится в свою машину, потемневшую от времени (или от городской грязи?), и едет.

Дом Алисы, Живарев переулок.

Там же, где Глухарев переулок, а еще Грохольский переулок, 1-й Коптельский переулок и Астраханский переулок — сплошь переулки. Приятный район неподалеку от Садового кольца.

Александр Иванович. Пенсионер. Живет в городе Москве. Перед тем как выйти на прогулку, он любил сесть на диван и несколько минут провести в молчании.

Его жена говорила: «Ты изображаешь из себя старца». И на такие слова он сердился. «Какой же я старец, — упрекал он ее, — я муж твой». Словно быть хорошим супругом — это что-то приземленное.

У него был любимый серый плащ. Никто уже не помнит, когда тот появился — может быть, двадцать лет назад, а может, больше. Вещь — она и есть вещь, зачем о ней помнить что-то? В этом плаще он ходил и летом, и осенью, и даже ранней весной, когда солнце уже светит, но земля и воздух еще холодные, а ветер пронизывающий.

В кармане плаща обычно помещается среднего размера книга. Иногда блокнот, в котором Александр Иванович ведет беспорядочные записи. Например, о том, куда пропала тишина. Или почему человек боится оставаться надолго один.

Жена любила Александра Ивановича, этого странного и глубоко погруженного в себя человека. «Можно подумать, ты птица, — говорила она, — из тех, что месяцами парят над океаном, спят на лету, и вся жизнь их проходит в пространстве между небом и водой».

Говорила с легким сожалением. И таким осторожным образом в их жизни возникали разногласия: один говорит сам с собой, а человек рядом молчит. Собственно, слова — зачем они нужны, если все идет как идет и вряд ли что-то поменяется?

Поэтому, когда Александр Иванович чувствовал, что жена не может с чем-то смириться, то, надев серый плащ, покидал ее. Чаще всего ближе к ночи, когда все вокруг затихало и сам город говорил: пора спать.

В тот вечер воздух был плотнее обычного. Осенняя влажность. Мельчайшие капли воды блуждали над асфальтом, над травой и между ветками деревьев. Каждая отражала в себе свет фонарей и огни проезжающих машин.

Он подошел к скверу. Увидел на скамейке одинокую девушку, которая курила, и сел с ней рядом. Пожилой интеллигентный мужчина. Молодые люди таких любят.

Все вокруг было похоже на темное покрывало, которым закрыли деревья. А они вдвоем — на персонажей из фильма, где режиссер делает все, чтобы в кадр не попадали яркие цвета.

Она продолжала смотреть куда-то внутрь себя — словно древний созерцатель, который либо уже познал весь мир, либо на подступах к этой истине.

— У вас не будет сигареты? — спросил через пару минут Александр Иванович и развел руками: мол, вот незадача, забыл свои дома.

Девушка протянула ему пачку. Он поблагодарил.

Потом спросил ее имя — и стал сопричастником событий, о которых лучше бы ему не знать.

— Что вам нужно от меня? — спросила наконец она и удивилась своему же голосу — бесцветному и почти неслышному.

Александр Иванович покачал головой: ничего не нужно. Но еще одну сигарету он бы попросил. Если можно, конечно.

Взгляд ее был страшнее голоса. Поэтому Александр Иванович спросил:

— Что у вас случилось?

Вежливое участие.

— Это вам лучше расскажет следователь, — ответила она. — Моего парня нашли мертвым. Какие-то несостыковки, поэтому я под подозрением.

Что же это такое?! Час назад он слушал вопросы жены, а сейчас ответы преступницы.

(*Возможно, преступницы, она же под подозрением.*)

А он — пенсионер.

А кругом дома, и все дома один на другой не похожи, не то что в спальных районах. Слава богу, они живут не на окраине, где все одним цветом, а в центре города. Садовое кольцо — нечто вроде Ватикана, где ты можешь спокойно выйти вечером на улицу, а на тебя будут смотреть доходные дома XIX и XX веков. Ладно, не Ватикан.

Единственное, что выбивалось из общей картины, — это даже не пара панельных высоток, а огромное здание японского посольства. Гигантская серая коробка, у которой и окон-то нет, а вокруг — высокий бетонный забор с колючей проволокой, словно напоминание: мирный договор между странами еще не заключен. А значит, война. Сейчас они сидели к нему спиной. Спиной к Японии. И ко всему вокруг.

Мимо пробежала собака и скрылась среди деревьев. Несколько голубей ходили вдоль луж, боясь прикоснуться к воде

(странно, должны же спать). Редкие автомобили проплывали по переулку. В окнах понемногу гасли огни. А миллионы звезд продолжали скрываться за тучами.

Александр Иванович повернулся к Алисе. «Она либо сейчас встанет и уйдет, либо мы станем товарищами», — подумал он.

— Только не нужно сочувствовать, — сказала девушка. Слова ей давались тяжело, это было заметно. Как будто она не была приучена говорить либо внезапно разучилась.

Александр Иванович вспомнил, как однажды встретил на улице женщину, давным-давно. Тогда он был моложе, и так много вещей казались ему важными! Он заговорил с ней, но женщина ничего не ответила. Потом он понял, что она его не слышит. А ему и в голову не приходило, что глухие от рождения люди могут выглядеть, как и остальные! В память об этой встрече у него осталась записка. «Я ничего не слышу, но все вижу. И вижу, что вы мне не подходите».

— Где вы живете? — спросил он у Алисы.

Кивком Алиса указала на противоположный дом. Значит, почти соседи.

Вечерний асфальт покрыт тончайшим слоем капель, поэтому перестал быть серым. И все вокруг приобрело синий оттенок — с переливами в еще более синий. Красные и оранжевые блики, которые отбрасывают фонари и фары машин. Все походит на тщательно обработанную фотографию, когда какие-то цвета подчеркиваются, а другие убираются — и получается иная реальность.

Тимофей остановил автомобиль неподалеку от сквера. Он хорошо видел Алису и человека рядом с ней. Оба курили и походили скорее на добрых товарищей.

Ничего-то он о ней не знал. Да и никто не знает. И вообще, зачем он только внушил себе, что в происходящем кроется загадка? Возможно, все яснее ясного. Люди убивают себя. Давид убил себя. Славный парень, у которого что-то пошло не так. А если в каждой вдове искать убийцу, то...

Пришло короткое сообщение от Варвары. Она снова не пошла домой, а осталась в участке. Смогла найти что-то интересное и завтра расскажет.

Ну что ж, хорошо. А ее семейные проблемы его не волнуют.

Рассказы моей жены, Анисии. Книга, которую она таким образом пишет.

(«Я просто хочу, чтобы ты все знал»).

Как люди, глядя на одно и то же, видят вокруг себя разное.

Девушка-архитектор, бредущая по Рождественке с подрамником. В наушниках — музыка. Мечтает о любви...

Монахиня из соседнего монастыря. Ее обступают яркие машины, мишура из витрин и рекламные вывески с полуголыми барышнями...

Молодой человек — из тех, что следит за собой. Все эти вывески с женщинами — для него. Он скользит по ним взглядом. Потом, конечно же, утыкается в смартфон. И теперь уже кажется, что взглядом скользит по нему жизнь...

Сосредоточенная женщина, которая выглядит по-деловому, — и вся она собранная, если не сказать «выверенная». Ее взор, как и у монахини, тоже устремлен куда-то внутрь себя. Но лицо напряжено, и нет на нем выражения покоя...

Или нищий поэт, которому довелось жить в то время, когда поэты никому не

нужны. Ходит себе по осенним улицам. Одет неброско. Рисует картины в голове — образы города, так он это называет.

(ВЫБЕРИТЕ ПОНРАВИВШИЙСЯ ОБРАЗ)

Лоскутное одеяло: желтый, красный, черный и зеленый цвета, перемешавшиеся, но при этом четко очерченные и при близком рассмотрении также четко структурированные: на поверхностях домов, машин и витрин. И мелькающие то тут, то там разноцветные точки — чем бы они ни были.

Асфальтовая заплатка: 2560 квадратных километров, гигантское пятно; на солнце пекет в августе источает мерзкий запах, и каждый прохожий чувствует себя немного асфальтоукладчиком; серый цвет окрашивает нашу повседневность, и та постепенно становится серой; вслед за домами, которые вроде бы расцвечены, но все равно как-то разом (или постепенно) теряют свой цвет и становятся давящим фоном, именно так — беззвучным и давящим, особенно в дождь и особенно осенью.

Вода закованная: лишенная свободы, обретшая себя в новом образе — коричневой или зеленоватой жидкости (цвет не важен,

важно полное отсутствие прозрачности); плотнище; посмешище океанам, жалость для маленьких областных речушек, но все равно мощная, затаившаяся и ожидающая зимы, когда она вопреки всему вернется в изначальное естественное обличье — белого льда.

Организм: которому нужно пропитание, вечно голодный и подчинивший себе всех, и тем напоминает черную дыру; он, собственно, ею и является, поскольку также уничтожает время и не дает свету вырваться.

И отсюда:

Строгая совершенная система, совершенная настолько, что имитирует собой живую жизнь или обстоятельства; обволакивает и убаюкивает, принуждает двигаться и оставляет без движения; полагающаяся на неумение человека осознавать вещи такими, какие они есть, и на неумение смотреть глубже своего тела; облекшаяся в звуки — поездов (над землей и под), шороха обуви и шин (над землей и под), звука стройки (то есть попыток города сделать себя еще более совершенным организмом). Человеческий ресурс. Идеальная формулировка. Она придает сути города еще больше цельности.

Птицы, смотрящие на нас с высоты птичьего полета.

И если спуститься ниже, то за стеклом кафе можно увидеть — первое свидание.

Он поднимает фотоаппарат. Поворачивает кольцо фокусировки. Картинка внутри видоискателя становится расплывчатой. Красный цвет растекается по влажной от дождя мостовой, тучи скребутся о небо. Несколько черных зонтов перемещаются вдоль серых стен. И появляется еще один зонт — желтый. Он оказывается напротив стекла.

Щелчок.

За стеклом Алиса и ее возлюбленный. Их отношения только зарождаются, а Вселенной уже известно, что продлятся они недолго, пару лет. А потом их мир распадется и соединится в новую картинку, на которой будет изображена она одна.

Щелчок.

Она сидит напротив него. Ее что-то беспокоит, но тут ничего нового — она в принципе беспокойная девица. А Давид выглядит таким безмятежным. Покой привлекает, и к Давиду хочется прикоснуться.